

Т. Б. КАРУЛИНА,

доцент кафедры философско-исторических и социально-правовых наук
Московского государственного института стали и сплавов (Технический университет),
кандидат философских наук

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДИАЛОГА КУЛЬТУР: ЗАПАД — РОССИЯ — ВОСТОК

Проблема диалога культур, особенно если речь идет о России и ее культуре и истории, должна быть рассмотрена в двух «планах»: теоретическом — как парадигмы, политико-религиозные или ментальные «мифы», и практическом — событийном, рассматриваемом во «взаимодействии» с теоретическим.

Диалог культур — это предмет истории и историософии, в связи с чем возникает закономерный вопрос: как этот диалог для России и в России должен осуществляться в обоих планах? К тому же для России осмысление зачастую опережает то, что осуществляется или полностью это осуществление заменяет.

Любой диалог требует от стороны, вступающей в него, осознать себя как целостность, отличить от второй стороны диалога. Подобное понимание другого как «отличного от» способно показать «Я» культуры и подразумевает стремление понимания другого. Владимир Соловьев предложил такую основу для диалога: «Будь (Россия) верна своей национальной особенности, и в силу этого будь универсальна», понимая диалог как единство особенности и универсальности. Такое единство делает и мировую историю универсальной, целостной и взаимосвязанной, объединяя жизнь существующих отдельно и не сливающихся друг с другом мировых культур, уникальных единиц истории. Универсализм (как методология) коренится в самой исторической традиции.

Но следует помнить, что диалог культур осложняется встроенностью историка в историю, бесконечную цепь постоянно происходящих событий, создающей необходимость осознания исторического «места» исследователя как «внутри», так и «вне» истории.

Диалог, таким образом, помимо когнитивного элемента (понять), идентификационного (отличить), должен включать еще один — сохранить (себя). У этого «сохранить» есть две взаимозависимые составляющие — «политическая» и «культурная». Меня будет интересовать культурная, хотя для России акцент был сдвинут в сторону политическую. И культурное сохранение, выступающее как важнейшее на «ответственных» этапах жизни России, было на самом деле сохранением политическим, под которое подводилась онтологическая имманентность «самости». И начиналось «сохранение» от инока Филофея и до «веховцев», в идеях которых проступает «чаяние» истинного пути, причем обязательно «мучительного» чаяния. Возможно, этот выбор только для России был выбором моральным, хотя и предполагал политические итоги и политику как средство осуществления.

Моральность и религиозность (и в формах воинствующего атеизма тоже), будучи сутью менталитета России, определяли и понимание диалога, стороны диалога и необходимость (опасность и даже вредность) диалога для России. С моей точки зрения, наиболее типичным и, вероятно, ярким веком столкновения диалого-парадигм стал XIX век, в практическом (событийном) плане связанный двумя «начальными-конечными» событиями: убийством императора Павла (и нереализованностью идеологии универсализма — через масонов и контакты с западным религиозным миром) и началом Первой мировой войны (первым «звонок» глобализма, моральным и политическим). В теоретическом плане «зеркалом», оправданием и предвестником событийности является идеология славянофилов, выразивших сущность диалога

России как с Западом, так и с Востоком. Идеи их отозвались в чаадаевских идеях («католика») и в идеях безрелигиозного А. Герцена и задали импульс такой мощности и силы, что развитие идей А. Хомякова и И. Киреевского в «Западе и России» Н. Данилевского волной прошло через «Закат Европы» О. Шпенглера и концепцию А. Тойнби.

Поднимая тему диалога, И. Киреевский¹ задавался вопросом, какая Россия лучше — та, в которой порядок вещей сложился из собственных ее элементов, или та, в которой порядок вещей подчинен элементу западному. Но вопрос о том, какая Россия лучше нынешней, должен по «программе» славянофилов выглядеть иначе: если старое было лучше нового, то из этого вовсе не следует, что это старое будет лучше нового теперь. И можно ли пытаться истребить (и как) то западное, что Россия уже получила за двести лет от Запада, говорил Киреевский, и как тысячелетнее русское может уничтожиться от влияния нового западного. Россия, вступая в «диалог», должна понимать, полагал Киреевский, что ни возвращения Русского, ни ввода Западного как исключительного мы ожидать не можем и поневоле должны предполагать что-то третье, долженствующее возникнуть из взаимной борьбы двух враждующих начал.

Отдавая себе отчет в неизбежности такого «диалога», Киреевский спрашивал: «какое оба они должны получить направление, чтобы действовать благотельно? Чего от взаимного их действия должны мы надеяться, или чего бояться?» и отвечал — благотельной, общей основой для всех участников диалога — и России, и Запада, и Востока (родины христианства) является христианство. «Христианство было душою умственной жизни народов на Западе, так же как и в России». Различие не в христианстве, а в тех политических и моральных акцентах, которые расставлены вследствие все-таки национальной самобытности как России, так и Запада: «Святая Русь» и «святая Римская империя». И русская цельность (единство религиозного и морального, не перемешанного с политическим) должна помочь России успешно противостоять западному, где религиозное связано с политическим и отдалено от морального. «Восток передает Западу свет и силу умственного просвещения, Запад делится с Востоком развитием общечеловечности, везде просвещение создается на твердом камне Божественного Откровения». Такова онтологическая основа диалога, о которой говорили в XIX в. славянофилы и о которой в XX в. сказал представитель западной стороны диалога А. Тойнби.

¹ Киреевский И. В. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. 1–2.